

Всем известна пословица «Скажи, кто твой друг...» Вот я и решила поинтересоваться у актера Московского театра сатиры, заслуженного артиста РСФСР Михаила Державина, кто его друзья. В ответ прозвучали имена популярных артистов. Все они слынут людьми остроумными и веселыми. Но о моем собеседнике, как выяснилось, мнения весьма серьезного.

Народный артист СССР Георгий МЕНГЛЕТ: Что Миша хороший артист — ясно. Но он и человек хороший — заводной, веселый, доброжелательный, с несокрушимым обаянием. А уж юмором, без которого в нашем театре никак нельзя, бундалью каждый его атом пронизан.

Народный артист СССР Анатолий ПАПАНОВ: Счастливи, что я его партнер. С ним легко играть и легко находиться всюду — на сцене, в жизни, быту. Не помню случая, чтобы Миша унывал, был обескуражен, расстроен. Душа коллективная, словом.

Народный артист РСФСР Андрей МИРОНОВ: При всей многоопытности он сохранил удивительную трогательность, трепетность по отношению к работе. Миша самоотдачей умеет отдаваться делу. В нем не угасает главное — тяга к новому.

Заслуженный артист РСФСР Александр ШИРВИНДТ: Когда-то мы вместе придумали сценку с переводчиком. Переводил я, а Державин произносил «английскую» абракадабру. И когда выступали в МИДе, все переводчики повскакали с мест — выясняли, на каком диалекте он говорит. А Миша по-английски ни слова не знает, но здорово схватывает характерность. К такому партнеру тянешься.

— Судя по всему, Михаил Михайлович, друзьям на вас повезло?

— Это мне на них везет. Еще с детства. Я вырос в уникальном доме на улице Вахтангова. В соседнем подъезде находилось Театральное училище имени Щукина, еще там были общежития художников, оперной студии консерватории. Помню, как в нашем дворе играл в волейбол болгарин Николай Гяуров, будущий знаменитый бас, как гонял мяч Миша Ульянов. На первом этаже в маленькой квартирке жила семья замечательного чтеца Дмитрия Николаевича Журавлева. И для наших мальчишек праздником было поехать с ними на трамвае, в Клуб имени Горбунова на концерт. А неподалеку от дома был Театр имени Вахтангова. Там работал мой отец Михаил Степанович Державин. У нас в гостях часто бывали знаменитые вахтанговцы. Потом, когда я поступил в училище имени Щукина, они стали моими учителями.

— Атмосфера тех предвоенных и первых военных лет воссоздана в спектакле «Прощай, конференсье!», который поставил Андрей Миронов и в котором вы играете главную роль...

— Мы хотели, чтобы этот спектакль стал памятью о наших отцах, — они ведь дружили. Хотели рассказать, как в обыкновенном человеке на определенных этапах судьбы страны проявляются необыкновенные черты характера. Я старше Андрея на пять лет, помню войну. Я был тогда в эвакуации в Омске вместе с вахтанговцами. Очень любил посмотреть спектакль «Фельдмаршал Кутузов», в котором отец играл главную роль. И в свои пять лет выучил его монолог. Однажды Николай Павлович Охлопков, Андрей Львович Абрикосов и мой отец пошли в госпиталь, взяли меня с собой. И после концерта в палате попросили меня этот монолог прочитать. Я застенялся, но начал. И бойцы захопало — гипсом по коленкам. И так хохотали! Я было расстроился — читал-то серьезно. Но Охлопков подбодрил: «Это они от радости смеются». И представляете, на одну из первых репетиций «Прощай, конференсье!» автор пьесы Григорий Горин принес программку «Театральная Москва» июня сорок первого. И показал мне объявление: 22 июня в двенадцать часов дня в Театре

имени Вахтангова — «Фельдмаршал Кутузов». Он ведь состоялся, этот первый военный спектакль в жизни отца.

— Судьба вашего Конференсье трагична: он погибает на сцене, как солдат на посту. Но от Театра сатиры публика ждет веселья, шуток...

— Шутить и только? Но взгляните на нашу афишу — тут и Чехов, и Бомарше, и Гоголь, и Булгаков... Не случайно наш театр в свои шестьдесят лет стал академическим — слово «сатира» здесь всегда понималось широко. Ее назначение — помогать людям искоренять все плохое, что есть в жизни, разбираться в сложных житейских ситуациях, выявлять отрица-

Труд, 1985, 21 июля
ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

МИХАИЛ ДЕРЖАВИН

тельные явления. Сатира — это прежде всего высокая гражданственность.

— Вам чаще приходится играть отрицательных персонажей. Не надоедает?

— В жизни мы чисто отрицательных почти не встречаем. Для кого-то этот человек хорош, для кого-то — не очень. И в театре то же самое. Скалозуб в «Горе от ума», какой он? В нашем спектакле — по-своему умный, корректный, изысканный. Страшна в нем абсолютная уверенность в собственной непогрешимости. Да в любом персонаже столько всего намешано! Вот чеховский Епиходов — и смешной он, и жалко его. Я когда репетировал, думал — на кого он похож? И понял: на бедолагу бобра, который вылез из воды, а плотину вдруг унесло куда-то. Словом, стараешься играть человека, чтобы он был живой.

— У зрителей очень популярен ваш дуэт с Александром Ширвиндтом. Расскажите, как он сложился.

— Я бы не говорил «дуэт». Это дружба, которая длится десятилетия. А когда ты знаешь человека очень хорошо, это помогает в работе. Мы, кстати, и на свет появились в одном роддоме, правда, Александр Анатольевич опередил меня на два года. Вместе учились в училище имени Щукина, потом работали в Театре имени Ленинского комсомола и в Театре на Малой Бронной. А уже оттуда — не без участия Андрея Миронова — перебрались в театр сатиры. Надо сказать, что

Александр Анатольевич — человек остроумнейший, умеет «распотить» любой зал. А зал у нас на каждом концерте разный: сегодня — академики, завтра — рабочие. А они академикам не уступят, эти умные современные ребята с десятилеткой, с высшим образованием. Они ждут от нас импульса для размышлений. А мы не профессиональные авторы, хотя и пишем сами. Точнее, записывает Шурик, а я хожу придумываю. Но наши миниатюры всегда конкретны, «привязаны» к данному дню, событию. Вот приезжаем мы на какое-то предприятие и перед концертом спрашиваем у председателя профкома, какие проблемы заботят, кто ходит в передовиках, кто в отстающих. И тут же в выступлении все это обыгрываем.

— В одной из «Кинопанорам» вы показывали сценку, герой которой — не снимающийся актер. И от его лица шутливо

объясняли, почему вас не видно в кино. А если всерьез?

— Небольшие роли в фильмах у меня были. Но после театра — а я там очень много занят — то, что пока предлагали в кино, не привлекает.

— По роду занятий вам часто приходится смеяться людям. А в жизни вы веселый?

— Я ужасно смешливый. И очень люблю разыгрывать друзей, шутить. Но не по заказу, а то чувствуешь себя наподобие детей, от которых на елках почему-то всегда ждут стихов.

— А еще что любите?

— С удовольствием пою. В «Последнем параде», например, вместе с Папановым исполнял специально для этого спектакля написанные песни Владимира Высоцкого, в том числе и очень популярную потом «Утреннюю гимнастику». И на телевидении тоже пел. Недавно даже выступил в «Утренней почте» вместе с женой — певицей Роксаной Бабаан. Еще люблю футбол, хоккей. Когда-то сам играл, а теперь для ребят заливаю каток во дворе дома. Люблю рыбалку.

— Ваша мечта?

— Я суверен, о мечтах боюсь говорить. Лучше о конкретной работе. Сейчас репетируем пьесу журналиста-международника Федора Бурлацкого «Черная суббота». Она написана по фактическим материалам и рассказывает об Америке времен карибского кризиса, о том важном этапе в ее истории, когда силы разума взяли верх. Все персонажи тут реальные и выступают под своими именами. Мне досталась роль министра обороны США Макнамары.

Но знаете, по чему я скучаю? По разговорам старых театралов — я их хорошо помню. Вот по таким: «Представляете, я Гриценко узнал только в конце второго акта!» И мечтаю о такой роли, чтобы и меня в зале «не узнали». И еще очень хочу сыграть по-настоящему жизнерадостного и веселого человека. Швейка, например. Но я разговаривался, а зрители про нашу профессию и так все знают. А в искусстве непременно должна быть тайна. И пусть она сохраняется...

Беседу вел Т. ИСКАНЦЕВА.